

**ЕВГЕНИЙ
ВИНОКУРОВ**

ХАРАКТЕРЫ

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ
ХАРАКТЕРЫ

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

ХАРАКТЕРЫ

Новые стихи

**СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА
1965**

P2
B49

• • •

Характеры шумят как лес,
Бушуют, так как в результате
Важна не разница телес,
А разница в душевном складе.

Вот этот на собраниях жмет
И точку зренья выражает...
А дома из журналов мод
Красоток тонких вырезает.

А вот — ничтожен, неглубок.
Остроты низковаты сортом.
Но лишь за стол воссядет — бог! —
К любимым колбам и ретортам.

А этот — как святой. Молчит.
Стрижет с утра сирень да розы.
А по ночам, подлец, строчит
Наигнуснейшие доносы.

Несет характер по кривой
Оторопелого иного.
Об столб ударит головой —
И тут же все начнется снова,—

В полет! Уже и сам не рад!
Опять свистящими кругами.
«Такой характер! — говорят.—
Что делать?!» — разведут руками.

Глядишь: мужчина. Сам в соку.
Дороден, с белыми висками,
А в нем характер — как в суку
Волокна,— странными витками.

О антропос! Что ты? Вопрос!..
Я сложностью всей этой донят!
И ангел зарычал как пес!
Всплывает камень. Щепка тонет.

Но средь всей этой кривизны
Есть тот, что, гибель принимая,
Стоит, прищурясь, у стены
Прямой. На свете есть прямая.

Ода линии

На мир скорее посмотри —
И легким мановеньем рук
Из мира контур убери,—
Мир в хаос превратится вдруг!
Ну, так какого же рожна
Кричим, не смысла ни черта?
О, как же на земле нужна
Ограничения черта!
Я более скажу: и нет
На свете ничего важней,
Чем линия,— любой предмет
Предметом делается с ней.
Какая странная игра!
Ты линией к себе влеком:
Кривая линия бедра,—
И к горлу подступает ком.
Беру перо: вмиг создана
Корова росчерком одним.
Я славлю линию! Она
Живое делает живым.
Будь власть моя,— все ерунда!

Мне, право, бред всегда претил —
Я б параллельным навсегда
Пересекаться запретил.
Так в чем ее все ж будет суть?
Долбили ж в голову тебе!
Она? Так то кратчайший путь
Меж точек, помнишь, А и Б.
И мы куда-то все идем.
Пред нами линия вдали
Лежит,— то вечный оком —
Слиянье неба и земли.

Стихия

Я фото видел в иностранном журнале:
Потоком разрушенные мосты...
Стихия!

А в средних веках не она ли —
Средь неба вдруг огненные кресты?!
И голос ее, сокровенный и древний,
Пугал обмирающие моря.
И падали дружно в степи всей деревней,
Стихию о милостивости моля.

Но ни справедливости и ни пощады
Не знает она.

Мановенья руки —
И домики, трогательны и дощаты,
Смывает, как спичечные коробки.
Приходит стремительная и слепая!
И праведник в ней погружался — до глаз.
И рот открывает он, утопая,
Чтоб плюнуть в лицо ей в последний раз...

В секунду достигнут смертельною лавой,
Спит город.

Из кратера медленный дым!
И вот победитель, увенчанный славой,
И раб накрываются пеплом одним.
И гнутся уныло простертыя рощи,
Корнями над пропастями висят...

Кто устоит против натиска мощи,
Уничтожающей всё и вся?..
...И я слышу голос остудный стихии.
Бьет в стекла! В осоку забралась чирки...

И что ж! Ты уж ноженьки греешь сухие.
И мокрые виснут на стуле чулки.

Мыслители

Мыслители, наморщив лбы,
Шли,— как в пике идут пилоты,—
Во глубь материи,
 дабы
Понять явление природы.

И руки сильные скрестив,
Они, воинственные люди,
Сидели важно, опустив
Главу шишкастую ко груди.

И преуспели кое в чем,
В беседах за стаканом чая,
Как бы фонариком-лучом
Глубины мира освещая.

Вначале холоден как лед,
Он вдруг, махая чайной ложкой,
Так разойдется, что прольет,
Крича, на скатерть чай — оплошкой.

Он человек: и может влоск
Напиться. И от старки крепкой
Качаться. Но недвижим мозг —
Его Величество — под кепкой.

Тропинка к истине сложна,
И потому в мышление чистом
Отвага дерзкая нужна
Не менее, чем альпинистам.

Не выходя по многу дней,
Сидит — ладонью трет плешину.
А это все-таки трудней,
Чем влезть с веревкой на вершину.

И в созерцании немом
Мудрец в каморке — Диогеном.
Но стены бешеным умом
Он прожигал, как автогеном.

Куда б ни ставил он стопу,
Немела публика повсюду.
Да, мысль, попавшая в толпу,
По действию подобна чуду.

Он мыслит! Он подьемлет щит.
Взял меч. Он плащ закинул пылко.
Он мыслит! Голова трещит
От лобных пазух до затылка.

Бывает вправду горяча
Дискуссия! И в поединке
Сойдутся два бородача.
Глядишь — и только шерсть на ринге.

О темперамент мудреца!
Речь горною гремит рекою.
Но сядет, побледнев с лица
И за сердце схватясь рукою.

И в мир идей, творя полет,
Он жажду небом утоляет...
Мыслитель пляшет и поет.
Мыслитель слезы утирает.

Он в возбужденье без конца!
Он вечно мчит куда-то в мыле...
А кто сказал: для мудреца
Бесстрашье подобает в мире?

Зеркала

Один идет, чтоб пасть в дыму сраженья,
А этот — ни двора и ни кола...
Но есть она, потребность отраженья,
И требует, чтоб были зеркала.

Чтоб на стене они под стать обоям
Мерцали в рамках на старинный вкус,
Чтоб можно было лихо перед боем
Накручивать кудрявящийся ус.

Иль, насбивавши в торбу за день корок
И перестав тянуть гнусаво нудь,
Сесть тихо, вынуть зеркальца осколок
И наконец-то на себя взглянуть:

«Да, весь в пыли, но близко до ночлега.
Морщинки что-то возле глаз,— устал...»
Чтоб лик нерукотворный человека
В ладони вдруг негаданно предстал...

...Лишь посмотри — и как на фото снято!
И трещинку потрогав на губе,
Сказать: «Эх ты!» Наверно, это надо...
И улыбнуться самому себе.

Побег с урока

Как сладок был побег с урока!
Бреду. Распахнуто пальто,
Мокры деревья, и сорока
Кричит, как бы узнав про то.
На пальцах синие чернила.
Что делать посередине дня,
Когда свобода осенила
Своим сиянием меня?
Сейчас сидят сутулясь в классе.
Учитель хмуро мел крошит.
Бреду. Обрушились все связи.
И воля голову кружит.
Вот так ходили в перепалки!
Так погибали на кострах!
Бреду в Сокольническом парке
И сладкий ощущаю страх.
Примкнувший к трепетному стягу,
Я больно чувствую в себе
Преступную, по сути, тягу
К неразрешенной синеве.

Опоздал

В поездах есть что-то отчаянное...
Я стоял одиноко на обледенелом перроне,
Затерянном среди степей Башкирии.
Что может быть фантастичней и безутешней,
Чем свет электрического фонаря,
Качающегося на ночном полустанке?

Мимо меня изредка проносились составы.
Они обдавали меня дребезжаньем
И угольной пылью.
И всякий раз я придерживал пилотку,
Словно здороваясь.
Кривое, голое дерево, росшее у платформы,
Вытягивалось вслед за ними...

Я ждал, что какой-нибудь эшелон
Все же, наконец, случайно остановится!
Вдалеке чернела глыба леса...
Я поднимал голову:
Надо мною было несчетное
Воинство звезд.

Полки звезд. Дивизии звезд. Армии звезд.
Они все двигались куда-то...
Час назад я отстал от эшелона,—
Бегал за кипятком.
Мне угрожало очень строгое дисциплинарное
взыскание.

Я стоял,—
Снег вокруг моих ботинок подтаял,
А в алюминиевом чайнике, который я
Держал в руке,
Вода уже покрылась корочкой льда...

Я видел над глыбой леса,
Далеко-далеко, в стороне от других
Одну маленькую звездочку.
Я смотрел на нее.
И она смотрела на меня.

• • •

До мая несколько недель,
Но с крыши нашей жилконторы
Стучит тяжелая капель,—
Я остро чувствую повторы.

Я ритм улавливал во всем:
И в том, как каркала грачиха,
И даже в том, что за овсом
Шла белой полосой гречиха.

Брала порою даже злость,—
Покою не знавал за сутки.
За стенкой забивают гвоздь —
Я ж отмечаю промежутки.

Иль вот сидишь себе в гостях...
Но хватит умножать примеры!
Короче, я вдруг поднял стяг
Восстанья против четкой меры.

Я думал, хаотичен свет
И все навалено навалом,
А пульс стучал мне: нет да нет
С определенным интервалом.

Пустой обряд

Суровой повседневности обряд,—
Вопрос: «Как жизнь?» И тут по ритуалу:
«Да ничего».— «Ну будь...» — «Вот такт-то, брат...»
Но человек начнет мало-помалу
Рассказывать:

«Такие, брат, дела...—

Сначала, так, с неловкостью, несмело,—
Жена на той неделе умерла.
Дочь что-то, между прочим, заболела.
Зашел бы. Как-никак...»

Я на него
Гляжу. Он козырек надвинул. «Э, он плачет...»

...Спроси: «Как жизнь?», ответят: «Ничего...»
Но это ничего еще не значит.

Пожилой

Вот шляпа. Вот и трость. Я пожилой!
Перчатки шерстяные. Честь по чести.
Ворчу, что апельсиновой кожурой
Опять — увы — насорено в подъезде.
Девчонка окликает на бегу
Кого-то. Мчатся молодые, злые...
Скрипят мои ботинки на меху,
Уютные такие, пожилые.
На лавку сел. Рука в наметках жил.
Где пенсия?! Далеко до погоста!
И я не стар. А просто я пожил.
Я пожилой! И это очень просто.

Страсти

Сгребают выигрыш горстями.
Иль с маху прыгают в седло...

Изборожденное страстями
Я вижу пред собой чело!
Как тот силач, что, крякнув, разом,
Озлясь, сгибает кочергу,
Вот так прямолинейный разум
Вдруг превращается в дугу.
Но все проходит, лишь — жестоки! —
Домашние былым корят
Да брыльями отвисли щеки,
Чубук до пола да халат.
И снова полон мир страстями:
Глаза партнеров ледяны,
И козырь кроется крестями,
И вновь «лепажи» взведены!
Как распрямленная пружина,
Что вверх, раскручиваясь, бьет,

Миг — и зеркальная плешина
Обильный выделяет пот!
Дедок крадется к молодойке...
За вилы! Мор, и трус, и глад...
С кайлом ползет чудака в Клондайке,—
Он отыскать собрался клад!..
Квартиры коммунальной сцены!
Как толком взорванный уют!
Хранить умеют тайну стены,
Когда в сердцах посуду бьют.
А после пишут письма. Плачут!
Снимают карточку с гвоздя...
Глаза заплаканные прячут,
На службу утром приходят.
Кто ведаёт: что там в камерке?
Но лад — на людях. При гостях...

Вопят больницы, загсы, морги
О человеческих страстях.

• • •

Как хорошо, что молодость прошла,
Как все же хорошо,— ее не стало!..
Но чувствую, что стала тяжела
Душа,
 достигнув плотности металла.
Приехали, как говорится,— слазь!..
Все вымерил: отсюда и досюда.
Душа моя отныне отлилась
На веки в форму странного сосуда.
Она кувшин, что влез с трудом в рюкзак,
Помочь тут может только перековка,
Как ни крути ее, и так и сяк,
И как ни поверни —
 с ней все неловко.

Краеведческий музей

В усадьбе с колоннами — в центре поселка —
Музей краеведения расположен...
Тут чучело цапли. А рядом двустволка
Тургенева.

Ржавая сабля без ножен.
Какие-то кости и бляха: находки —
В разрытых сарматских курганах. И видов
Различных густые сапожные щетки,—
Их выпускает артель инвалидов!

Портрет: дама в локонах белых. По сини
Овальное личико. И опахало.
Когда-то играла на клавесине.
Гусара ждала из похода.

Вздыхала!..
Стою посредине. Торчат мои уши.
И шея вытягивается. И к даме
Мое подымается сердце. И лужи,
От снега растаявшего,
под пимами...

Старик

Не хлопотлива должность старика —
Но трудоемка!

Через лоб морщины.

Их начертала твердая рука,

Упорно отмечая годовщины.

Зрачками он ворочает. Старик!

В них искорка незрячего азарта.

Его лицо как будто материк,

Как реками изрезанная карта.

Он знает все! Он мудр. Он седовлас!

Он человека видит с полувзгляда.

Он то с прицела понимает враз,

На что юнцу, поди, полгода надо.

Притих. Лишь веко дергается. Тик!

Он словно ждет

неведомого знака...

Он жил. Ура! — Он истину постиг!

Что делать с ней?..

Не знает он, однако.

Цыгане

Вот племя странное! Бредут
В Норвегии, в России, в Гане.
Взад и вперед. То там, то тут,
Как сами же поют.

Цыгане!

Лежит с гитарою. Ленца.
Не в лад стучат в дорогу кони.
Вперед дорога без конца,
Туда, где ель на небосклоне.

Сидит араб. Долбит коран.
Пройтись до кирхи трудно шведу.
И лишь один индийский клан
Поднялся и пошел по свету.

Такая уж у них стезя.
Закон, страшной кровавой мести,
Гласит: нельзя, нельзя, нельзя
Хотя бы миг стоять на месте.

Фургоны все ползут, ползут,
Покуда спят аборигены...
Какой-то непонятный зуд!
Что гонит их?

Какие гены?
Какой такой состав крови?
Воры́. Гадалки. Лицедеи.
Попробуй их останови —
Погибнут без своей идеи.

Кто им предназначтал перстом
Судьбу? И где-нибудь в Тайшете
Спят под разобранным мостом
Далеких Гималаев дети.

Не смахивает ли на фарс?!
Вот пляшет табор в Калидоне,
И за ракетой на Марс
Глядит цыган из-под ладони.

Ползет их нищенская кладь
С лоскутным флагом одеяла,
Гитарой чтоб напоминать
О дальнем свете идеала.

В корчме цыганка чарку пьет.
Воруя, кур под юбки прячет.
Но, взяв гитару, запоем —
И старый русский князь заплачет...

Как надо ж было обокрасть
И весь народ на век обидеть,
Чтоб дать им эту злую власть
И дар вперед сквозь время видеть!

• • •

Вкушая, вкусих мало меда.

Как сладок мир! Он будто б весь в меду.
О, как на жизнь вы, сластолюбцы, падки!..
И, кажется, вот дух переведу —
И снова припаду к тяжелой кадке.

И прелести тягучего глотка
На свете нет, наверное, предела!..
Как сладок сон. Как синева сладка.
Как сладко славно выбранное дело.

Струится мед, прозрачен, как стекло.
К моим губам все б кадка прилипала!..
«Ну, сладко было?» — «По усам текло,
Да что-то в рот как будто не попало...»

Циник

Худой малец в линялом свитере
Надвинул на глаза берет.
И где-то там, внизу, в «юпитере»,
Беснуясь, заблистал балет.

За одурманенной Одеттою,
Выделявающей в небе па,
Летит толпа полуодетая,
От света бьющего слепа.

Малец — как карлик в заточении.
Он циник: верит только в свет!
Он знает: дело в освещении.
Вынь штепсель — и Одетты нет.

Я

Есть слово «я». И нету в том худого,
Что я решил его произнести.
Оно во мне. Я с детства это слово,
Как после травмы, позабыл почти.

Оно идет из глубины, оттуда,
Чтоб словно нефть высоко к небу бить.
Оно — экзема. Нет смертельной зуда —
Стремления самим собою быть.

Я слышу дальний голос...
Смело к краю
Я подхожу, к порогу темноты,
И свешиваюсь вниз и вопрошаю:
— Кто это там?
Он отвечает: — Ты!

Но обречен я был бы на молчанье,
Когда вокруг бы не были друзья,
Отец и мать, жена, однополчане,
Попутчики.

«Мы» состоит из «я».

Есть слово «я». Оно во тьме недаром
К небытию испытывает злость...
Оно во мне. Оно одним ударом
В меня по шляпку вбито, словно гвоздь.

Овладеванье

Овладевай домами!
И собственной судьбой.
Подвалами. Дымами.
Сиденьем. И ходьбой.
Есть тайные пружины,
Знай нажимай — давай!
Вождением машины
Смотри овладевай!
Своею головою.
И ветерком с морей.
Всемирной кладовою
Овладевай смелей!
И флейтой чародея.
И верою в людей.
Живи, пером владея.
Волненьем овладей!
Будь и простым и милым.
Мир побеждай! Живи.
Смелее с этим миром
Себя отождестви...

А я во тьме привала
Был к звездам вознесен.
И мной овладевала
Вселенная, как сон.
Как в танцевальном зале,
Мелькало все вокруг.
А вещи ускользали
Из вытянутых рук.
И, предаваясь спорам,
Гудел, под ливнем мок
Тот странный мир, которым
Я овладеть не мог.

Завистник

Ну что ж, признаюсь, я знаком
С тем чувством, что иными движет...

Ползет завистник — языком
Он противень горячий лижет.

А что печет ему нутро?!
Где ж позитивная основа?..
О, как он чувствует остро
Благополучие другого!
Его как хочешь обзови:
Уже он стал на четвереньки.
Уже он тут вот — визави —
В тебя в упор оставил зенки...

Как будто бы и не урод.
А он путей не разбирает!..
Чудовищная зависть рот
Ему крест-накрест раздирает.

Уже он судит так и сяк...
И сверхъестественная сила
Беднягу наперекосяк
Уже всего перекосила.

Я, люди, с вами ел и пил

Я, люди, с вами ел и пил...
Я, единица, не был дробью!
И все же род людской лепил
Меня по своему подобию.
Чтоб я вставал во всей красе,
Подняв гранату перед дотом.
Чтоб я хихикал, как и все,
Перед скабресным анекдотом.
Я в разговорах долгих вяз,
И если опустить детали,
Ведь вы меня одним из вас
По праву полному считали!
И на полу в товарняке
Меж лыж и плотницкой пилою
Дыханье ваше на щеке
Я чувствовал ночной порою.

Я, люди, с вами ел и пил...
Шел на дневальство, покалякав.
Могучий дух над Русью плыл
Казарм, госпиталей, баракон.

Мы сами все чуть что — содом!
Мы спорим, горячимся, ропщем.
А ведь другому не даем
Над мнением подняться общим!
И будто бы мне вменено
В обязанность: в тени горсада
Играл я с вами в домино,
Поддакивал, коль было надо.
О, как ваш переменчив нрав:
Лишь крик: «Ребята, неужели?!» —
Хрипя, бросались, растоптав.
Но миг — и вы уж пожалели.

Я, люди, с вами ел и пил...
Я не гнушался хлебом-солью,
Я тоже отдавал свой пыл
Бродяжьей песне и застолию.
Галдели мы у переправ.
Сходились для ночной облавы...
Ну что ж, я в чем-то был неправ,—
Но в чем-то были вы неправы!
Бежали мы одним путем,—
В метро со злобою во взоре
Меня толкали вы локтем,
Я наступал вам на мозоли.
Я кашлял, я потел, я сип.
Нельзя быть вроде отдалённой!
Но вы передавали грипп
Сквозь вашу теплоту ладоней.

Я, люди, с вами ел и пил...
Спал под шинелькою одною

И одиночество купил
Неимоверною ценою!
Под тентом в глубине Москвы
Сидел я, пиво попивая,
Хоть кружку захватили вы,
Как ручку старого трамвая...
Я не был сладок, не был кисл.
Давался гладить по головке.
Как был противен здравый смысл
В заплесневелой поговорке!
Вне очереди влезть хотел.
Воды ждал в захрипевшем кране,
А дым от перегретых тел
Стоял до мокрых балок в бане.

Я, люди, с вами ел и пил...
Носил одежды москвошвее.
Стандартный галстучек купил.
До рези натиралась шея.
К чему отличия печать.
Вы люди. Правильного склада!
Вам дали право обучать:
То делай! Этого не надо!
Прислушиваясь к деревьям,
Я ночью шел в лесу, далече...
О, как меня тянуло к вам,
Где щи, где пар, где ваши речи!
А ну попробуй не уважь!
Отец! Но вы бывали строже!..
Я был затерян среди вас.
Вы люди. Но и я ведь — тоже!

• • •

Ты не плачь, не плачь, не плачь. Не надо!
Это только музыка! Не плачь.
Это всего-навсего соната.
Плачут же от бед, от неудач.

Сядем на скамейку.
Синегато
Небо у ботинок под ледком.
Это всего-навсего соната —
Черный рупор в парке городском!

Каплет с крыши дровяного склада.
Развезло. Гуляет черный грач...
Это всего-навсего соната!
Я прошу: не плачь, не плачь, не плачь.

• • •

Стареет всё. И то, что устарело,
Таинственность имеет старины,
Музейная стрела от самострела,
Зубцы сарматской крепостной стены,
Года величье придают платану...

Столетия повернется колесо,—
Такой обычный,
я однажды стану
Далеким и загадочным.
Как всё!

Черт

Я думал, это отмерло.
Но вот взобрался на эстраду
Вдруг некто... Экое мурло!
Таких же судят за растрату!
И начал. Чувствую: влечет...
Как мы не поняли доселе?
Послушайте, ведь это ж черт!
Я чую ясно запах серы!
Бес пошлости! Всемирный дух!
Не ты ли в самом был начале?..

Ладонями стуча за двух,
Вот только что кричал не я ли?

То перелет. То недолет.
И раз!.. Средь взвизгов и средь гула
Не я кричал ли: «Вот дает!..» —
Сползая, хохоча, со стула?

Как ты парил сто тысяч лет
Один во мраке полунощи?..

Уже я сполз почти. И вслед
Послал он что-то там о теще.

Победа

— Что мрачен ты? Да здравствует победа!
Как Иаков с богом! Вот была возня!
Ты обогнал на полвелосипеда.
Ты обошел на голову коня.

Досталось всем! Помучались! Несладко!
Сейчас справлять бы надо торжество!
Окончена стремительная схватка!
Что ж плачешь ты?
— Я победил его!

Путешествия

Тот в Гватемалу, а другой на Кубу.
Один с вокзала, этот на вокзал.
А я пошел по направлению к клубу,
Сел в угол. Кружку пива заказал...
Быть может, где-то, виски попивая,
Глядите в синем аэропорту,
Как потолка великая кривая
В прямую обрывается черту,
И снова закругляется, и снова...
Друзья, вы так спокойны! К сроку сдан
И движется до лифта подвешено
Ваш в лаковых наклейках чемодан...
И тяга к путешествиям —

а я-то

Всегда считал: мол, в детстве умерла! —
С тяжелой каплей ласкового яда
Вдруг больно входит в сердце, как игла...
Я вижу

гималайские просторы,
Где виснут накрененные орлы.
И даль, где пальмы воткнуты в атоллы,
И паруса,
то сини, то белы...

• • •

Брожу в тайге. В селе ночью...
Не катаньем, ну так мытьем —
Я то, что не пойму, почую
Глухим, прадедовским чутьем!

Меня к познанию приохотят,
И озаренья закипят.
Пойму, откуда происходят
И паводок, и звездопад.

Мир как разрытая порода —
Без золота. И я увяз...
И мне признается природа
В том, что таит она от вас.

Верните рукопись

«Не пошедшие рукописи авторам
не возвращаются»

(журнал).

Возвратите рукопись, верните!
Рукописей, говорят, завал!..
Может быть, он сам суровой нитью
Хмуру эту рукопись сшивал.
Возвратите! Он ее, быть может,
Не отдаст под сельдь в кооператив —
Сам в горячей печке уничтожит,
Мрачно руки на груди скрестив...
Ничего, что, как живое тело,
Вся исполосована ножом!
Рецензент ее — для пользы дела! —
Красным искромсал карандашом...
Возвратите. Там ведь есть виньетки!
Мало ль, что ли, на земле чудил!
Голубей и вьющиеся ветки
Сам ночами вдумчиво чертил.
Мятую. В каком угодно виде.
Может, на пол кто-нибудь бросал!..
Возвратите рукопись. Верните!

Он старался все-таки! Писал!
Не чета какому-то ломаче,
Он все ждет. Так будьте же добрей!
Возвратите! Там одной бумаги
На десятки, может быть, рублей.
Вас рассудят в будущем потомки!
А пока верните-ка назад!..
...Папка. Вот кальсонные тесемки
Из нее загадочно висят.

Сирота

Мы в детстве сказок не читали.
На сказки был тогда запрет.
Но о пшенице, о металле,
О торфе знали из газет.

Но раз — не рапорты, не сводки —
Мы слушали, открывши рот,
О замерзающей сиротке
В ночи, под рождество...

В тот год,
Гремя, страна вооружалась.
Шли к Пресне танки неспроста...

И, помню, сердце тайно сжалось
При тихом слове: «сирота».

• • •

Смачная поперла бытовщина,
Словно омут начала кружить.
Человек на свете — молодчина!
Что бы ни случилось — хочет жить!
И предсмертной рвотою марая
Простыню иль вдаренный в висок,
Ртом он ловит воздух, умирая, —
Хочет заглотнуть еще разок!
Зубы втиснуть в яблочную мякоть.
Слыша скрипку в жалостном ключе,
Хочет доверительно поплакать,
Захмелев у друга на плече.
Хочет страстно видеть, как обертки
В теплый полдень сходят с эскимо,
Так же как с медлительной красотки
Падает наряд перед трюмо.

Хочет, чтобы на месткоме снова,
Вставши фертом, выкатив белки,
На вопрос: «Не снять ли нам Петрова?» —
Тонко крикнуть:
«Руки коротки!..»

Хочет он какой-нибудь утехи,
Коль понижен иль переведен.
Хочет он, идя домой, в аптеке
Не спеша купить пирамидон.
Хочет жизни. Все равно — сидячей
Или не сидячей. Да, любой!
Хочет, чтобы день кончался дачей,
Вдалеке полоской голубой.
Чтоб в жене вдруг завязалась завязь.
Чтоб гулял бы голубь по трубе,
Чтобы взял его сынишка за нос
И, пребольно, потянул к себе.

Что еще? Еще, пожалуй, надо
На карачки во дворе присесть,
Пальцем тыкать: теплые щенята!
Мастью в суку! Рыжевата шерсть!
Да однажды тяпнуть из бутылки
И, споткнувшись, прямо в сад упасть.
Дай ему, бродяге и чудиле,
На земле покуролесить всласть!..

Но всего сильнее ему охота
Прежде этих всяких там вещей,
Как бойцу, что прибыл из похода:
Ломоть хлеба да тарелку щей.
Да чтоб мать звала его Васютка —
Ничего, что хмур и бородат.

• • • • •
Никакие доводы рассудка
В том его не переубедят.

• • •

Если в поле, где-то в дальней дали,
Я от пули на бок упаду,
Чтоб немедля милую позвали,
Попрошу я при смерти в бреду...
Встанет сад, пестреющий гвоздикой,
Дачный полдень. Детский небосвод.
Девочка в переднике и с книгой —
Первая любовь моя придет...
«Нет,— скажу,— у милой злее речи!
Дерзче взгляд. Платок сорви рукой! —
Волосы вдруг выльются на плечи
Жесткою, свободною рекой».
Прокричу: «Прощаю все, что было,
Что там помнить — минули года! —
Что ушла, забыла, разлюбила...
Дай с тобой простимся навсегда!»

Неизвестное

Когда на фронте я входил в село,
О нем, притихшем, ничего не зная,
О, как оно к себе меня влекло!..
Что там за огонек мигает с края?
Я шел в густую темень, словно в брод.
Не дрогнет ветка. И не скрипнет полоз.
Быть может, девушка мне отопрет
С распущенными косами по пояс?..
Неведомое! Что там впереди?
А огонек вдали мигает где-то...
Рукою шаря, дверь во тьме найти.
Пригнуться... И ослепнуть вдруг от света.

• • •

Звериное тепло домашнего уюта...
А комната — как будто бы каюта!

И кажется, качается диван!
Жизнь за окном — Великий океан!..

А комната? Ее несет куда-то!
На стенке календарь. Какая нынче дата?

А комната? Среди скитаний — стан!
По звездам держим путь. Вверх подыми
секстан!..

Свисают простыни! Нестойкий привкус чада.
И ползает дитя. Бьет погремушкой. Чадо!

За стенкой холода. Но ход необратим —
И потому вперед куда-то мы летим!

Дитя бубнит во сне. И пар от молока...
Пронесется в окне со свистом облака!

Жизнь

Беги и на троллейбусе повисни.
Неси батоны,— валяются из рук!
Великая неимоверность жизни
Все охватила, завертев, вокруг.

И даже если бы тебя прибили
Гвоздями ко кресту — в минуту ту
Ты бы молил, должно быть, о пломбировке,—
О, как ты рвешь обертку на ходу!

Журналы мод: какой пучок на даме!
И жить желая, батальон девчат
Уселся в парикмахерской рядами —
На них пучки воинственно торчат.

Побеги кверху бьют сквозь щели досок
В платформах Подмосковья из земли.
Так жить хотят! Иль, как библейский
посох,
То, может, сами доски проросли?

В саду малец меж стеблей молочая
Сидит один средь синевы высот,
Он хочет жить, о том оповещая
Весь мир,
 он погремушкою трясет!

Как дикари, что рушат тяжесть палиц
На всех, кто только тронет их жильё,
Жизнь уничтожит всякого, кто палец
Поднять, сердясь, посмеет на нее.

. . .

Мне писалось лучше в поездах —
В тамбуре набитой электрички.
В самых неожиданных местах,
В силу вкоренившейся привычки.
В час, когда купать детей зовут.
Иль в аптеке покупаешь мыло.
В кассу стать бы надобно — а тут
Сладко вдруг под вздохом защемило!
Мне писалось лучше у врача,
В миг, когда сидел я, раскрывая
Рот,

рукою между тем ища
Карандаш в кармане...

И живая

Та строка, что мне являлась там,
Где вовек не сыщутся чернила,
Из глубоких будней к высотам,
Как в горах тропинка,
уводила.

Присядет есть, кусочек половиня,
Прикрикнет: «Ешь!» Я сдался! Произвол!
Она гремит кастрюлями, богиня.
Читает книжку. Подметает пол.
Бредет босая, в мой пиджак одета.
Она поет на кухне поутру.
Любовь? Да нет! Откуда?! Вряд ли это!
А просто так:
уйдет — и я умру.

Есть похоть беспредельности — ходьба.
По валунам, по пахоте, по межам.
Какая это радость, что судьба
Тебя случайно уродила пешим!

И коль в ходьбе ты понимаешь смак,
Иди, тоской пространственной влекомый...

На горном склоне задремавший мак
Тебя с утра встречает, как знакомый.

А что там путь? Переставленье ног
До той черты, где облаков престолы.
И ты идешь, велик и одинок.
Тебя вбирают вглубь себя просторы.

И, наконец, усвоенный совсем
И без остатка растворясь в пейзаже,
Ты станешь вдруг невидим, глух и нем...

Но это ты и не заметишь даже.

Из иностранной тетради

1

Исчезновение пафоса

Легким горлом поется
сегодня на клиросе певчим.
А в подвалах горит воспаленность
на лицах гуляк.
Только ночь холодна,
только ночи похвастаться
нечем.
И на древнем барокко
потрескался лак.
Где же пафос достать?
Может, дать объявление
в газету?
Где простертые длани?
Где молний удар из очес?
Люди мерно жуют,
путешествуют, ссорятся...
Нету!

Все на месте, как было.
Но пафос исчез.
Как случилось,
что пафоса вдруг
оскудели запасы?
Не запасы урана.
И не запасы угля...
И выходит актер.
И, как фокусник, делает пассы,
и уходит он,
зала не расшевелия.
А чего там кричать?
Ну, чего горячиться?
Ироничность и тонкость?
Да, я же их тоже ценю,
но нельзя же иронией жить!
Это ж только горчица,
лишь приправа.
А, собственно,
где же меню?..
Прежде, словно меха,
раздувавшие горны,
поднимались манишки.
Но пафоса нет и следа.
Ведь летящие волосы
нынче и ложны и вздорны!
Пафос вышел,
как в трещинку
тихо выходит вода.
Писем пылких не шлите —
бросайте сухую открытку!
Не летите стремглав,

а скользите,
слегка тормозя...
Тот поплатится жизнью,
кто сделать способен попытку
стать высоким, когда
быть высоким
нельзя.

Брюссель, 1963

2

Ритм

Шоферы боятся самоубийц.

Однажды, видя, как парикмахер
натачивал бритву на ремне,
я подумал, что ритм правит миром.

Ритм задан миру.
Мир заведен, как бывают заведены туги,
до отказа часы.

Ночь с необходимостью сменяется днем.
На улицах помаргивают светофоры.
Ложечки методично вращаются
в стакане швейцара музея Восточных
культур.

Луна руководит
в океане отливом и приливом.
Ритмичны пуговицы на жилете.

Мать, вытаскивая тяжелую, как гиря, грудь,
покачивает ребенка.
Все живое пульсирует, как звезды.
Но кто знает,
что может прийти
человеку в голову?

3

Рассматриваю древности столиц
Без всплесков рук, без громких междометий.
Упорно на меня с погасших лиц
Глядят глаза пятнадцати столетий.
Но не сладка на вкус, не солоната
История, а как-то пресновата!..
Под стеклами осела старина.
Примята под реликвиями вата.

История. Стоим на рубеже!
Твои уже не чувствуются токи!

Как будто б ты окончилась уже
И время подводить уже итоги.

Мюнхен, 1963

Музкоманда

Тем гимнастерки узковаты,
А этим слишком велики.
Стоят солдаты музкоманды,
Нестройные фронтовики...

Война в них мужество вселила,
Но только флейты в их руках.
И алюминиевая лира —
Как капля на воротниках.
Идут. И глухо стонет глина
Под грохот кружек жестяных.
Гармония и дисциплина —
Двоеначалие у них!
И на привале парень тронет
Ртом инструмент — и сразу ж тут
По дому полк в тоске застонет,
Офицерá слезу смахнут.
Но кто же бросит комсоставу
Упрек из-за одной слезы,
Не запрещенной по уставу, —
Коль в неслужебные часы?..

Под артогнем, во рву, у края
Оркестр гремит, судьбой храним,
Мир хаоса преображая
Искусством праведным своим.
В пилотках набок — неказисты:
Вот тот сутул. А тот в очках.
В шинелях латаных артисты,
Богема в мятых сапогах.

Восторг в их души жизнь вдохнула.
И как легко они парят!
Развод ли это караула.
Иль похороны. Иль парад.
Им важно все. Им все едино.
Ведь тонко чувствуют они:
Гармония и дисциплина
Друг другу в глубине сродни.
Достаточно фальшивой ноты,
Чтобы в казарме мыть полы!
Искусства ж вечные высоты
Недосягаемо белы.
Что там? Армейская палатка?
Иль врывшийся в суглинок дот?

Бог стройности и бог порядка
Вперед их за собой ведет.

Лжепророк

Нет хуже ничего, чем лжепророки
С готовым к словоизверженью ртом...
Дороги, что по их словам положи,
Отвесны.

Выясняется потом!

Я знал когда-то одного такого.
Он все кричал! Он звал! Он всех ругал!
Он раз сказал: «Дорога пустякова».
Я тридцать верст в грязищу отшагал.
...Анафемы, посулы, прорицанья —
Я все глотал, чего б он ни изверг,
Пока однажды лживого мерцанья
Не уловил — в глазах, подъятых вверх.

• • •

В осенней вышине
Лишь облако да пташка...

Когда же будет мне
Невыносимо тяжко,
Я, словно маму, небо обниму.
Закрыв глаза, щекой прижмусь к нему.

Танцы

Какое странное занятие!..

Стоять, вот этак, чуть бочком,—
В два пальчика берется платье...
И вдруг притопнуть каблучком.
И вот, стуча нога об ногу
И улыбаясь ни к селу,
Перемещаться понемногу
По направлению к углу.

Не потеряться б с кавалером!
Он чувствует, как магнит.
Он рядом этим же манером
Ногами быстро семенит.
Лететь как бы спираль — витками.
Взопреть. О, пота остротца!
Упасть на стул. Махать руками
Вкруг темно-красного лица...

Чуднее этого занятия
Найти, ей-богу, мудрено!

Ведь точно сестры, точно братья
Мы все, кого кружит оно.

Кружить давайте ж, словно дети,
Хоть это будто мир старо,
И в «барыне», и в менуэте,
И в гопаке, и в болеро.
Давайте же лететь! Быть может,
Кто знает, ведь судьба слепа,
Вдруг смысл вселенной нам поможет
Понять какие-нибудь па.
Давайте щелкать каблуками,
Чтобы, хватаясь за сердца,
Вдруг сесть на стул, махать руками
Вкруг темно-красного лица.

Знать надо, чтобы это было.
А нет — так надо б то создать,
И чтоб нога бы ногу била.
И взвизгивать. И приседать.
Причины этому глубоки,
А следствия-то велики!
И надо, чтобы — руки в боки —
Дробь выбивали каблуки.
Знать, есть потребность в самом деле,
Чтоб в пальцах был подол зажат,
Чтоб кровь, свистя, вращалась в теле,
Чтоб мчались волосы назад.

Кама

Почти что год уже идет война...
О, как пустынен городок на Каме!
За пристанью покойна пелена.
Река перекликается гудками.

Сидит над Камой в сквере инвалид.
Тельняшка под халатом полосата.
Скрутить рукой сигарку норовит
Из крупного, как палки, самосада.

Мы кончили на днях девятый класс.
И парень нам рассказывает вяло,
Что выбили под Ржевом правый глаз
И что по локоть руку оторвало.

...Пространство Камы где-то там внизу.
Как тянет рыбой, соснами, грибами!..

Еще полгода. Я в кювет вползу
И санпакет перегрызу зубами.

Не писали

Мыслители по старинке
Цедили слова. Роняли...

Сократ целый день на рынке.
Олеша в «Национале».

А мы-то на свете белом
Все мечемся, все хлопочем!..

Они-то ведь между делом!
Они-то ведь между прочим!

Стакан подымая мутный,
Из-под бровей зрачками
Грозил. Но выходит мудрый,
Поддерживаемый учениками.

Они почти не писали!
И все же, словно на меди,
Все то, что они бросали,
Поныне живет на свете.

• • •

Не знаю,
 для чего дано и мне
Нелегкое стремленье к высоте...
И как меня бы до земли ни гнуло,
И как бы ни давил вселенский крен,
И как бы ни склонялся я сутуло,
Лицо свое упрятав меж колен,—
Я встану, разогнусь и протяну,—
Зачем? — не знаю,— руки в высоту.

Ремонт

Уже пора окончилась дремот.
Все кресла — в кучу. Дело забурлило!..

Великий начинается ремонт.
Стекает сурик. Капают белила.
В тебе есть обаяние, развал!
Вон кирпичи — то проступает кладка!
Неужто я когда-то проживал
В середине пошловатого порядка?!
Привычки прежней эры сохранив,
Я честь воздам дымящемуся чаю,
На банке с охрой сидя,

но, ленив,

Со щек уже олифы не счищаю.
Я сплю. Кистями машут маляры.
Откуда свищет? Стекол нету в раме.
Не так ли распадаются миры,
Чтоб снова стать когда-нибудь мирами?
А купорос? Он может вдруг пронять
Почти до слез,— так ночью тянет люто!

И в мире сможешь многое понять
Из этой самой глубины неуютя.

• • •

Кто он такой? Что это за прохожий?
Чудак? Философ? Странник? Идиот?
То человек с ободранною кожей
По многолюдной улице идет.

Какие мысли? Взгляды? Откровенья?
А замыслы-то, видно, велики!..
О, как боится он прикосновенья
Нечуткой человеческой руки!

Он в этот мир вступил для поединка!
А у него ведь сущность такова:
Его убьет случайная крупинка,
Что мы небрежно сдуем с рукава.

Откровенность

Я откровенничал с друзьями.
Был полон мрака сеновал.
Смотря открытыми глазами
Во тьму,
я душу открывал.

Но как-то вышло так: с годами
Я доверительность забыл.
Как дом аршинными гвоздями,
Себя я наглухо забил.

Лишь за бутылкою «Столичной»
В интимном дружеском кругу
Подчас вопрос сугубо личный
Легко затронуть я могу.

Вину припомню вдруг иную —
Живу,
все в глубине тая,
Ведь откровенности взрывную
И злую силу знаю я!

Захочешь... И решишь: напрасно!
(Эмаль лишь скрипнет на зубах.)
Она же на земле опасна
Не менее, чем бензобак.

И все ж, хоть в жизни съел собаку,
Сказать хочу я:

не крути

И не хитри,— рвани рубаху
С веселым треском на груди!

И человечеству на милость
Вдруг сдайся:

вот моя вина!

И чтобы исповедь дымилась,
Кровава и обнажена.

• • •

Фанера, схожая с муаром,—
Перегородка. Шаткий стол.
Он пристрастился к мемуарам.
Напружил шею, точно вол.
Все в прошлом! Что ж такого, право,
Что позади его зенит?!..
Час пробил. Началась расправа.
Того воспел. Того казнит.
«Ага! Ну как, пришла расплата?!»
(На миг перестает писать,
Чтоб в недрах рваного халата,
Сопя, подмышку почесать.)

Нет, слаще не было работы.
Что крики плачущей жены!
Еще не сведены все счета!
Итоги не подведены!
Ликует он и негодует,
Ведь жизнь была одна дана!
(Не чувствует того, что дует
Из незакрытого окна.)

О чем же это он хлопочет?
Как связи порванную нить,
Он нынче справедливость хочет
Под артогнем восстановить.

«Нет, их от праведного гнева
Отныне козни не спасут!»
Он бьет направо. Бьет налево.
Сидит, верша свой страшный суд.
Он судит все, что знал на свете,
По правде! Он не помнит зла.
(И пусть кричат уже соседи —
Он не пойдет играть в «козла».)
Конечно, в жизни было всяко:
Там — промолчал. То — обходил.
Но голос совести, однако,
В конце концов — а победил!

Нажал. Перо сломалось. Брызга
На лбу. И, тяжело дыша,
Окончил грифелем огрызка
Чернильного карандаша.
И едко поджигает губы,
А пальцы мочку теребят...

И чудится ему, что трубы
Уже архангелов трубят.

• • •

Шепелявы иль языкаты,
За машинкою иль с пером,
Прокуроры и адвокаты,
Мы на этой земле живем.
Эти — водку. А эти — чаем...
Тем несносен. А этим мил.
Обвиняем иль защищаем
Этот самый цветущий мир.
То унизим. А то возвысим.
То осудим. То воспоем.
Только мир от нас независим...
Он в восторге живет своим!

А один из нас, как лазутчик,
В мир идет, где кастрюлек чад,
Там, где бабки тискают внучек,
Прижимают парни девчат.
Можжевельник, волосы рвущий.
Газ косынки, что ядовит.
Этой женщины вид цветущий
Больше прописей говорит.

Пусть мыслитель мир обругает...
Вот она,— улыбнулась хитро.
Посмотрите, как облегает
Это платье ее бедро.

Сверхзадача

Сопят и бранятся, кряхтят и жуют.
«У нас ведь такого нет и в заводе!»
Ладонью успеи лишь прикрыться — и тут
Вдруг рот разойдется в звериной зевоте.

Но мальчик растет. Из-под низких бровей
Волчком глядит. Он с каким-то запросом!
Все вправо, а он забирает левой.
Куда там! Он тянет презрительно носом!
Он слышит какой-то особенный звон.
Растет, на обои обиженно пялясь,
Но жизнь его общую, будто бы сон,
Вдруг белый прорежет кренящийся парус!..
Сначала какой-то растрепанный том.
И шок — как бывает в горах от тротила.
Бессмертное: «Что же там будет потом?» —
Его же в ту ночь до конца отравило..

Но что говорить, даже, может, вот те,—
Живут мельтеша, объедаясь, судача,—
Но как бы ни ползали на животе,
У каждого все же своя сверхзадача!

И даже вот этот: по девкам ходок.
Плешив и дороден. Усы подбривает,
Но руку протянет — и синий цветок
Романтики в ней затрепещет, Бывает!

• • •

А где-то есть провинция с геранью!..
С бегущей к речке ниточкой тропы.
С обязанным неполному сгоранию
Могучим дымом заводской трубы.

Здесь люди в огородах до работы...
Но здесь нельзя пройти после дождя.
И в лужах возле клуба моют боты
Работницы, на танцы приходя...
Чтобы петух мог долго кукарекать!
Сесть, шелуху смахнувши, на скамью!
Но я москвич. Мне некуда приехать...

Иметь бы мне провинцию свою!

• • •

Человеку выпала отрада
Вверх взойти, на высоту хребта.
Посмотрел: ни рая и ни ада!
Без конца и края пустота.

— Что же я тогда на свете стою,
Если я у бездны на краю
Перед беспредельной пустотою,
Помертвев, беспомощно стою?!

И простер он трепетные длани,
И у этой роковой черты
Плотный мир, придуманный заране,
Не спеша слепил из пустоты.

• • •

Любите плотность мира, теплоту
Земли. Пейзажам радуйтесь! При виде
Их руки заломите! На плоту
По черной, точно смоль, реке плывите.

На беспредельном пляже без рубах,
В песок по локоть руку запуская,
Лежите. Ощутите: на губах
Как крепкие кристаллы соль морская!

На ощупь мир правдивей. Невесом
Лишь вздор один. Идти по пашне клина!

Есть смысл в поэте только лишь босом:
Пусть между пальцев проступает глина.

Напряжение

Крепкоспинны и коренасты,
На скамейках сидят борцы.
Разминаясь, гуляют гимнасты,
Потирают ладонью крестцы.
Детвора облепила заборы,
Зданья флагами обагрены,
Зубоскалят в кружок дискоболы,
Углубились в себя бегуны...

Но ракета еще не взлетела,
Как бы кто-нибудь не отложил
Этот праздник вспотевшего тела,
Вздутых мышц и напрягшихся жил!
Ведь еще утрясают составы,
Где-то кубки, медали, венки!
Пусть же хрустнут бесстрастно суставы
И проступят сильней позвонки!
Пусть же лента летит голубая!
Пусть замрет в повороте бедра,
Руку медленно выгибая
Над собою, толкатель ядра.

Мы — любой на сенсацию падок! —
На замешкавшихся заорем.
Пусть же пот зажурчит меж лопаток
У склонившихся за рулем!
Пусть мелькают блокнотики прессы.
Пусть в два пальца свистят, — дураки!
Пусть брюшные напряжатся прессы!
И полезут наверх кадыки!
Сокращается бицепс упруго.
Пусть штангисты присядут слегка,
Чтоб надулась на шее баруха —
Складка крепкая, как у быка.
Знаю, прежде чем кончить речами
Этот день, — под мотив «Сулико»
Выйдут девушки с обручами
И станцуют легко.

• • •

А. Кафанову

Дёрн в канаве как снег, от пыли.
Парень с удочкой. Баба в платке.

Мы в «райкопе» арбуз купили.
Сели медленно в холодке.

Синий день! Впечатлений масса!
Вдрызг арбуз. Ударом одним!
Как сырое парное мясо,
Мы кровавый арбуз едим.

Перемазаны алым губы.
Дай десяток — десяток съем!
Как мы молоды — как мы глупы!
Что там будет — не знаем совсем!

И куда-то опять, безусы,
Вновь с приятелем побрели...

Всё бы в жизни вот так: арбузы.
Синий полдень. Ноги в пыли.

• • •

Пусть поэт послушает, как бродят
Соки в нем, как алчно кровь стучит.
Пусть его, притихшего, заботят
Гулы те, что в глубях различит.
Тайные там происходят вещи —
Там гудит дыхательный процесс!
Желчь играет. Голоса зловещи.
Вот один возник. Другой исчез.
Как угрюмо-первобытно тело.
Ты, поэт, им зря пренебрегал!
Мысль твоя во мрак его глядела,
Как в пустой покинутый подвал:
Только холод, плесень — тянет люто
Из него! Да что с подвала взять!..
Слышишь: дальний голосок оттуда
Хочет что-то важное сказать.

Будни

Давно люблю обычные слова,
Которыми на улицах толкуют,
Не те, которыми тетерева
Красиво, но бессмысленно токуют.
«Как жизнь?» — «Болел». — «Так ты, брат,
заходи». —
«Спасибо, дорогой!» — «До скорой встречи!..»
Ведь глубину, лишь только захоти,
Ты обнаружишь вдруг в обычной речи.
Слова, что до оскомины просты,
Вдруг полоснут с неслыханною силой:
«Я слушаю. Алло! А, это ты.
Да, суп стоит. Я ожидаю, милый».

Вдвоем с тенью

Я прежде был фантазии лишен.
Я шел июльским полднем по селенью.
А я тогда, как Пат и Паташон,
Был неразлучен со своею тенью.

Когда ж домой с прогулки приходил:
«Что видел ты?» —

И мой ответ был жалок,—
Тогда он, между прочим, походил
Скорей всего, пожалуй, на каталог.

Перечислял я лица и дома,
Перед собою глядя обалдело.
А слушая, как не сойти с ума
От честности, не знающей предела?

И затыкали уши: «Ах балда!»
А я все сыпал, сыпал без разбора,
Смотря невинно. И смолкал. «Ах, да!
Еще коза стояла у забора»,

Но я потом манеру изменил —
Почуял я, что буква убивает...
Ах, сколько перепортил я чернил,
Чтоб то придумать, что и не бывает!

И мир навек, казалось, потонул.
И вещи,— словно птицы на антенне,
Дыхни — вспорхнут. И руку я тянул
И собственной не мог коснуться тени,
И обрывались лестницы,
хоть плачь!

Виденья звал — и столбенел при виде...
На выдуманный гвоздь я вешал плащ,
Сквозь форточку хотел в просторы выйти.

Но вдруг неожиданно кончился распад...
И полночью июльской по селенью
Я шел. И вновь, как Паташон и Пат,
Был неразлучен со своею тенью.

Из гущи жизни

А ты бывал ли в гуще жизни?
Еще бы! Вдоль и поперек!..

Подошву в рубчиках оттисни
На глади глинистых дорог!
Как в толщу Ветхого Завета,
Иди среди овса, телег.
И председатель сельсовета
Тебя поставит на ночлег.
Не райские, конечно, кущи!
Видать, тебя «зисок» растряс?!
И ты вернулся к нам из гущи.
И сел. И затянул рассказ...
И как свидетельство,

едины,

Библейской строгостью строги,
В нашлепках темно-рыжей глины
Стоят у двери сапоги.

Начало тридцатых годов

Я помню: тридцатые годы.
Мелькание фетровых бот.
И боны. И ссуды. И льготы.
Лишенцев, живущих без льгот!

Тоскует парттысячник-дядя.
Он токарь. И нет тридцати.
Сидит он до ночи, не ладя
С проклятой программой МАТИ!

Я вижу в окно: о, как сини,
Россия, твои небеса!..
А лишь за колечко в Торгсине
Лежит под стеклом колбаса.

Я помню: потрепан, но тяжек
В амурчиках бархат. Уют.
Две, в шляпках, лишеньки из чашек
Вприкуску глоточками пьют.

Одна уж почти что уснула,
А тянет какую-то нудь:
— История так повернула,
Могла б и не так повернуть...

• • •

Когда-нибудь вы провожали
Кого-нибудь? И тут как тут,
Судача, тетки на вокзале
Цветы в ведерках продают.
Они сидят большой деревней,
И я купить уже готов...

Но что быть может однодневней
И эфемернее цветов?
Вот вы их только в руки взяли —
Не выпустили их из рук,
А лепестки уже завяли,
Улитками свернулись вдруг!..

Я б высекал цветы из камня,
Из неподвижного куска,—
Пусть нету кроткого ласканья
Раскрашенного лепестка!
Пусть ни пыльцы, ни аромата
Кремневый венчик не хранит,
Но лепестковая громада
Зубилом врублена в гранит!..

Хватайте время бреднем, сетью,
Не удочкою на живца!..

Быть надо верным долголетью,
Коль жить собрался до конца.

Дух Гомера

От ужаса уничтоженья
Их шайка признавать могла
Один в природе вид движенья:
Коловращение стола.

Не только всё с женой, да с другом,
Или с попутчиком в пути,
А, право ж, почему бы с духом
Вдруг разговор не завести?

С потусторонним адресатом,
Явившимся как бы в дыму.
Шутя о пятом, о десятом
Не поболтать бы почему?

И дух, явясь, оттуда, сверху
Взгляд в собеседника вперит...
Но проходимцем на поверку
Оказывается спирт.

И все ж другие в мире этом
Есть разновидности бесед.
И дух — а пчелы роем следом! —
Войдет, и величав и сед.

И залепечешь неумело,
Куда девать не зная рук,—
Перед явлением Гомера,
Возникшего из мрака вдруг.

• • •

Я мужество воспринимаю
Как то, что мудрости ценней,
Хотя я и не отнимаю
Всего, что сказано о ней.

О, сколько мудрости у басен,—
Веками скоплен ум, как мед!

Но как же первый шаг опасен
Встающего на пулемет!

Могилу выроют кирками.
Положат. Встанут, шапки сняв!..

А мудрость разведет руками,
Так ничего и не поняв.

• • •

Что надо утром? Кружка чая,
Да в путь,— была бы пара ног!..
И он живет, не замечая,
Что он безмерно одинок.
Он вроде не переживает.
И на сорочке, сев бочком,
Он пуговицу пришивает,
Как будто бы ведет смычком!
Он вверх рукою нитку тянет.
Откусит, пав головой на грудь...
Приляжет.

Взяв алфавит, станет
Накручивать куда-нибудь...
...Но, тыча в рыбу вилкой,
тужась,
Среди чужой семьи, в гостях,
Почует вдруг,—
и хлынет ужас! —
Как одинок он, холостяк...

Дыхание

Жизнь в современном городе тесна,
За городской чертой шагая в жите,
Вы встали вдруг.

Дышите же! Дышите!
О, кислородом полная сосна!
А вот в зеленом хлорофилле лес.
Да здравствует дыхательный процесс!
Вы словно в прорубь падаете в стог —
И в духовитых травах ядовитых
Дышите же! Дышите! Долгий вздох
Пусть постепенно переходит в выдох.
Иль на Кавказе, где-нибудь в духане,
Когда от дыма станет вдруг темно,
Почуете: кончается дыханье,
Ударьте — и откроется окно.
Пусть жадно ходит грудь. Глаза смежить!
Дышать, — ведь это же и значит — жить!
В веках — и для рабов и для владык.
Дыханье — то, что всех объединило.
Пусть трудно ходит — словно лифт — кадык.
И я дышу. И поступает сила.

Благородство

Мы стихли, покоренные картиной,
Нас увлекла запутанная нить...

Какой же все же надо быть скотиной,
Чтоб за сеанс слезы не уронить?!

Бежит беглец. Леса за Акатуем.
Мать ждет. Сестра родная предала!..

Мы целым залом дружно негодуем.
Мы за добро! Мы вместе — против зла!

О, как мы вдруг всем залом задрожали,
Когда на плот вскочил он,

ведь вовек

В толпе вот этой в темном кинозале
Плохой не находился человек.

• • •

Мир меня ловил и не поймал.

(Эпитафия Г. Сковороды)

Он умирает. Подвело здоровье.
Без резких жестов и цветистых фраз.
Так поднимите, люди, изголовье
Художнику.

Он хочет видеть вас!
Он окружен победными вещами.
Он здесь не раз сидел по вечерам.
А этот пар, поднявшийся над нами,
Не жертвенный ли это фимиам?
На кухне ложки звякают в посуде.
Чуть слышный говор. Плотный дух приправ.
Легко сказать, что смерти нет!

По сути,
О том твердя всю жизнь, он был неправ.
И миг настал. Волнуется. Еще бы!
Его родня вокруг стоит, как рать.
Сейчас он школьник. Вот — часы учебы.
Он учится сегодня умирать.

Ребенок

И вот идет по городу ребенок
С большою, вроде тыквы, головой.
Среди людей, автомашин, лебедек,
Рискуя, словно на передовой.

От леденцов его ладони липки,
Не верит он в существованье зла!
А безмятежность медленной улыбки —
Лишь с синевою поспорить бы могла.

Жизнь города его в свою орбиту
Ввела. Кричит кондуктор: «Не зевай!..»

Он на минуту чувствует обиду
И губы надувает на трамвай.

Гудки машин ему — как звуки лютен.
Идет на них, неведеньем храним...
Как верует он в то, что абсолютен
Его покой! Мы — трусы перед ним.

Э. Бабаеву

Могут до смерти нас затерзать пустыаки,
День подчас до отказа набит пустыаками.
Мне в пустыне бы жить, говоря про стихи
Под звездою с библейскими пастухами.
Как могла б моя речь величавая течь!
Только вечность да я. Я бы был как Исая!
И стекала б овчина курчавая с плеч,
И нога бы на мох наступала босая.
Между тем донимают меня пустыаки.
День кипит. И, его подчиняясь законам,
Я из ГУМа иду. И роняю кульки.
И кричу в телефон. И бегу за вагоном.

Вожделение

Я поднял взор,— в те дни я рисовал,
Но до прилавка я не доставал!

Как пахнет лак! О, как же я ценил
Набор кистей, бутылищи чернил!

...Стоял, ушедший в шапку до ушей, —
И мозг кружил мне дух карандашей.

Вот тюбики. А вот пастель. Вот мел.
Когда б я мог, я это сразу б съел.

Чертить! Стирать! Чертить! И вновь стирать!
Мне ту бы вон огромную тетрадь.

Я б малевал во всю ее длину!..
И я тайком проглатывал слюну.

Из цикла „Россия и революция“

1. Высокомерье

А в департаменте тогда скрипели перья.
И вот пыхтящий, в ленте голубой
Министр уселся,
 от высокомерья
С противно оттопыренной губой.
Он взял перо гусиное устало.
Песочница стояла на столе...

Высокомерье пышно расцветало
В забавных завитках факсимиле.
А в окнах — шпиль, снега. Двенадцать било!
Промчал фельдъегерь — облачко взвилось...
И это все высокомерье было,
Хоть и столицей северной звалось.
Потом: дворец. И белый дым камелий.
Вошел, закинув высоко голову...

О, эта встреча двух высокомерий
С бокалами в руках на randevу!

Недаром же лохматый, после порки,
Сплясать готовый за пятак, бочар,
В портах спадавших и в одном опорке,
Не выдержал: «Быть пусту!» — закричал.

2. Геометрия

О, Петр, ведь ты построил город
Не для умерших — для живых?..

Тяжелый дождь бежит за ворот
Окаменевших часовых.

Пронзительны аллеи парков.
Прямы проспекты, как стрела.
Сильней божественных монархов
Здесь геометрия была.

Был нежен в башнях цитадели
И кроток лепет голубиц...
И страшные на мир глядели
В окно глаза цареубийц.

Гуляют каменные финны.
Курятся трубки из бород.
Вот и построили Афины
Средь топей северных болот!

Налево львы. И львы направо.
А у заставы инвалид
Штык держит вертикально прямо,
Как Геометрия велит.

3. В начале века

Столетние гати, оттаяв,
Зыбки. Дух от хлябей тяжел!
Всё ждали: Платон Каратаев!..
А это Распутин пришел.

Как плакала бабка украдкой!
Уже седина в бороде,
А дед мой дерется закладкой
На пасху в Свечной слободе.

Юнцов тогда жажда снедала.
Колонны снежок порошил,
Покуда топор Идеала
Российские будни крошил.

У банка цыганки гадали,—
Отбиться нельзя, как от пчел!..

Играет отец на гитаре.
И книжечку Милля прочел.

Каурый, саврасый и пегий
Храпят. Так и рвутся из рук!

И тройка российских элегий
Тачанкою сделалась вдруг.

Впервые в жизни выпил водку
Я в Новый год. Гром вокруг стола!
А Левитан закончил сводку,—
На фронте грустные дела.
...И закружилась, полетела
Вдруг комната. Упала прядь —
И брэнного не в силах тела
Я был от стула отодрать.
Но все же я привстал и валко
Пошел. «Еще сто грамм хочу!..»
И в шутку одноклассник Валька
Меня ударил по плечу.
И я схватил его в отместку
За шею. Хохоча! Без зла.

...Не знал я, что уже повестку
Мне дворничиха принесла.

• • •

Песня в армии.

Она возникала в голосе запевалы,
захватывала нас, и мы подхватывали припев.

Это было то искусство,
где актер и зритель сливаются в одно.

Мы пели для себя — зрителей не было,—
шли безлюдными полями.

Это высшее искусство!

Фантазеры первых лет революции,
мечтавшие о слиянии зала и сцены,
о мистериях, где бы в одном порыве
стиралась грань между смотрящим
и действующим,—

вот она сбылась, ваша мечта!

Вокруг поля ржи,—
мы шли в земные пределы.

Мы, и актеры и слушатели,
шли, отдаваясь песне.

Мы вкладывали в нее всю жалость к себе,
всю мальчишескую тоску по неувиденной жизни,
всю боль от черных портянок,
плохо, торопливо замотанных перед походом.

Мы были как древнегреческий хор, по дороге,
квадратом, движущийся куда-то
в провалы полей.

Мы комментировали запевалу,
мы как бы напоминали ему о роке
тонкими голосами,

вытягивая мальчишечьи шеи из воротников.

А он заливался, он звал, он спорил, он верил,
не соглашался.

Мы снова вступали, грозили, предостерегали.

А вокруг только простор,
солнце, безлюдье.

Косноязычье

Косноязычье мучило меня.
Была необходима сила бычьья,
Скосив белки и шею наклона,
Ворочать маховик косноязычья.

Косноязычье вовсе не порок!
Застигнутый полупонятным зовом,
Пусть корчится измученный пророк
В борении с рождающимся словом.
Смешенье междометий и слюны.
Побольше часа надобно — не сразу! —
Чтобы, придя в движенье, шатуны
Вдруг выдавили на поверхность фразу.
Лишь пустяки легко выходят в свет!
Я с трепетом внимаю бормотанью.
Все это вздор, покуда бездны нет
Меж мыслью промелькнувшей и гортанью!
И если мысль действительно нова,
То надо говорить с азов учиться...

Ворочаются трудно жернова —
Но льется тонкой струйкою мучица.

СОДЕРЖАНИЕ

«Характеры шумят как лес...»	3
Ода линии	5
Стихия	7
Мыслители	9
Зеркала	12
Побег с урока	14
Опоздал	15
«До мая несколько недель...»	17
Пустой обряд	19
Пожилой	20
Страсти	21
«Как хорошо, что молодость прошла...»	23
Краеведческий музей	24
Старик	26
Цыгане	27
«Как сладок мир!..»	30
Циник	31
Я	32
Овладевание	34
Завистник	36
Миг	38

Я, люди, с вами ел и пил	39
«Ты не плачь, не плачь, не плачь. Не надо!..»	42
«Стареет всё...»	43
Черт	44
Победа	46
Путешествия	47
«Брожу в тайге...»	48
Верните рукопись	49
Сирота	51
«Смачная поперла бытовщина...»	52
«Если в поле, где-то в дальней дали...»	54
Неизвестное	55
«Звериное тепло домашнего уютя...»	56
Жизнь	57
«Мне писалось лучше в поездах...»	59
«Присядет есть, кусочек половиня...»	60
«Есть похоть беспредельности — ходьба...»	61
Из иностранной тетради	
1. Исчезновение пафоса	62
2. Ритм	64
3. «Рассматриваю древности столиц...»	65
Музкоманда	66
Лжепророк	68
«В осенней вышине...»	69
Танцы	70
Кама	72
Не писали	73
«Не знаю, для чего дано и мне...»	74
Ремонт	75
«Кто он такой? Что это за прохожий?..»	76
Откровенность	77
«Фанера, схожая с муаром...»	79

«Шепелявы иль языкаты...»	81
Сверхзадача	83
«А где-то есть провинция с геранью!..»	85
«Человеку выпала отрада...»	86
«Любите плотность мира...»	87
Напряжение	88
«Дёрн в канаве как снег, от пыли...»	90
«Пусть поэт послушает, как бродят...»	91
Будни	92
Вдвоем с тенью	93
Из гущи жизни	95
Начало тридцатых годов	96
«Когда-нибудь вы провожали...»	98
Дух Гомера	100
«Я мужество воспринимаю...»	102
«Что надо утром? Кружка чая...»	103
Дыхание	104
Благородство	105
«Он умирает. Подвело здоровье...»	106
Ребенок	107
«Могут до смерти нас затерзать пустяки...»	108
Вождение	109
Из цикла «Россия и революция»	
1. Высокомерье	110
2. Геометрия	111
3. В начале века	112
«Впервые в жизни выпил водку...»	113
«Песня в армии...»	114
Косноязычье	116

Винокуров Евгений Михайлович

ХАРАКТЕРЫ

М., «Советский писатель», 1965, 120 стр.
Тем. план вып. 1966 г. № 176

Редактор **Голубков Д. Н.**
Худож. редактор **Мухин Д. С.**
Техн. редактор **Шапиро Ф. Г.**
Корректор **Морозова Л. Н.**

Сдано в набор 19/VII 1965 г.
Подписано к печати 20/VIII 1965 г.
А 08885. Бумага 70×108¹/₃₂.
Печ. л. 3³/₄ (5,25). Уч.-изд. л. 2,82.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 300.
Цена 17 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10

Тульская типография Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета
Министров СССР по печати
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

17 коп.

17 коп.

Творчество Евгения Винокурова не нуждается в рекомендациях; поэт давно известен самым широким читательским кругам и у нас, и за рубежом.

«Характеры» — новая книга вдумчивого, неустанно ищущего новых средств художественной выразительности лирика. Сборник составили в основном произведения, созданные автором в недавнее время, это — глубокие раздумья о внутреннем мире нашего современника, о бесконечном разнообразии человеческих душ.

